

дачи этнографии реализуются в Румынии в значительной степени в региональных работах, чаще всего комплексно характеризующих материальную культуру и быт населения в пределах определенного «куста» поселений. Работы румынских этнографов группируются в очерке дважды: на стр. 264 и на стр. 274, причем эти группировки не совпадают; первая менее логична, вторая (построенная по территориальному принципу), более приемлема. Очерк в целом носит характер обзора-перечня; он оснащен очень обширной библиографией.

Чешскому автору принадлежит очерк «Некоторые аспекты этнографического изучения современной народной культуры в ЧССР» (стр. 286—308). Его внимание сосредоточено на вопросах изучения традиционной и урбанизированной народной культуры. Подчеркнуты разные социально-экономические предпосылки, способствующие приобщению народов Чехии и Словакии к урбанизированной культуре (в последней в социалистическое время центральной фигурой был полурабочий — полукрестьянин, который «в фабричной среде чувствовал себя скорее крестьянином, а в деревне — скорее рабочим», стр. 287). Некоторое недоумение вызывает попытка автора (стр. 299) противопоставить методику изучения городской культуры в СССР и ЧССР; он считает, что большой приток населения в советские города якобы делал центрами культурной жизни заводские клубы, в то время как в ЧССР объектом изучения становились соседские контакты.

Можно пожалеть, что содержание очерка по этнографии в стране, столь богатой традициями этнографической науки (достаточно вспомнить, что это родина Нидерле!), ограничено хотя и важным, но частным сюжетом: автор показывает сдвиги народной культуры к урбанизированной. Несколько неравномерно освещен вклад в разработку этой проблемы чешских и словацких этнографов (некоторые научные учреждения, в которых работают чешские этнографы, даже не упомянуты). Отмечу и неуклюжие обороты перевода («пределах наемных домов и микрорайонов», стр. 286; «основы профессиональных научных этнографических институтов», стр. 290).

Замыкает книгу очерк «Современная этнографическая наука в Социалистической Федеративной Республике Югославии» (стр. 309—335). Этническая пестрота этой страны, ее бурное историко-этнографическое прошлое делало задачу обобщения проводимых здесь обширных этнографических исследований очень трудной; тем не менее она успешно решена. Очерк характеризует и существующие в Югославии этнографические учреждения, издаваемые ими труды и главные направления выполняемых работ (с указанием всех ведущих ученых¹), и региональные исследования, часто связанные с конкретными задачами практики социалистического строительства. Очерк дает (вместе с обстоятельной библиографией) весьма полное представление о развитии и состоянии этнографии в Югославии. Этот очерк — один из лучших в книге.

Как бы сквозной темой, пронизывающей все очерки, является информация о работах в соответствующей стране над этнографическими атласами.

Советские читатели получили яркую и насыщенную фактами картину развития социалистической этнографии от Чукотки до Адриатики, от Эльбы до реки Красной. Я не сомневаюсь, что книга вызовет интерес и в зарубежных социалистических странах; возможно, что там потребуются ее переводы.

В. В. Покишевский

¹ Вряд ли правы авторы, заявив (стр. 317), что они отказываются от обстоятельной оценки влияний Й. Цвиича на современные работы югославских ученых — оно слишком значительно. Впрочем, практически они вынуждены все равно время от времени обращаться к его наследию; очень кстати приведена ими и выразительная оценка трудов самого Цвиича, данная С. А. Токаревым. На мой взгляд, Цвиич, несмотря на сопровождавшую его работы «антропогеографическую вывеску», стоит гораздо ближе к французской географической школе, чем к Ф. Ратцелю.

НАРОДЫ СССР

М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, 350 стр.

Для рецензируемой книги характерна общая этнографическая направленность. Основное внимание автор концентрирует на трудовых традициях сибирского крестьянства в земледелии, скотоводстве и добывающих промыслах — охоте, рыболовстве, сборе дикорастущих «даров» леса (кедровые орехи, хмель и т. д.). Трудовые и бытовые традиции прослеживаются М. М. Громыко преимущественно в среде крестьян-

земледельцев, освоивших в рассматриваемое время южную часть таежной и лесостепную полосы Сибири. Четкость постановки основных вопросов позволила автору добиться целенаправленности книги, что имеет существенное значение в разработке общей проблемы народной культуры сибирского крестьянства. На первой же странице исследования М. М. Громыко объясняет замысел и цель работы. «В силу эмпирического характера знаний и примитивности орудий труда самый процесс производства в феодальном обществе был возможен только благодаря закреплению и передаче опыта традиций», — пишет автор. Исходя из этой посылки, М. М. Громыко определяет свою задачу следующим образом: «выяснить практическое содержание этих традиций у русских крестьян Сибири, способы их хранения и закрепления, а также место традиций в системе общественного сознания крестьянства» (стр. 3). Подчеркивая роль традиций в хозяйственной и духовной, семейной и общественной жизни крестьян, их значение в общем производстве сибирской деревни, М. М. Громыко анализирует их и в этническом и в социальном аспектах. Она придерживается твердо установившейся в советском сибиреведении точки зрения, согласно которой сибирские крестьяне рассматриваются как локальная часть русского крестьянства; в их культуре доминировали общерусские черты, но имелись и свои особенности, объяснявшиеся приспособлением к местным климатическим и ландшафтным условиям и феодальной эксплуатацией, осуществлявшейся непосредственно государством при отсутствии, как правило, лично-зависимых крепостнических отношений.

Замысел автора, учитывая его стремление уловить многосторонность основного сюжета исследования, нельзя не признать оригинальным и творчески целесообразным. Воплощение его в жизнь возможно лишь при наличии подробной этнографической характеристики сибирского крестьянства. Между тем обобщающей этнографической работы, отражающей современный уровень представлений о народной культуре крестьянства Сибири, пока еще не существует. Поэтому перед М. М. Громыко, естественно, возникали особые сложности и ее труд тем более заслуживает внимательного разбора. М. М. Громыко сделала существенную оговорку о том, что ее исследование касается именно старожильческого населения, т. е. по крайней мере второго поколения переселенцев, уже приспособившего свое хозяйство и быт к сибирским условиям. Таким образом, трудовые традиции рассматриваются как отражение хозяйственно-бытового опыта поколений, принесенного из Европейской части России или приобретенного в Сибири.

М. М. Громыко стремится показать прежде всего общность у всех сибирских крестьян хозяйственных и бытовых традиций, наличие которых способствовало устойчивому существованию сложившихся элементов народной культуры.

Земледельческие традиции М. М. Громыко прослеживает в последовательности полевых и огородных работ, в типологии орудий, приемах земледелия и землепользования. Наибольшее внимание привлекают данные, взятые главным образом из литературы, о господствовавшей почти повсеместно в Сибири залежной системе земледелия, ее порайонных особенностях и появлении элементов пара. Следует согласиться с утверждением М. М. Громыко о том, что архаичное подсеčno-огневое земледелие Сибири представляло собой отнюдь не пережиток, а результат определенного сочетания социальных и географических условий (стр. 33). При этом традиция подсеки отражала не только систему земледелия, известную русским крестьянам и возрожденную ими в условиях нетронутых сибирских земельных просторов и отсутствия прикрепления крестьян к земле, но и агротехническую меру. Земледельцы, опаливая поля и выжигая кустарник и дерн, очищали пашню от трав, избавляли ее от вредителей и облегчали пахоту, что было весьма существенно при освоении больших пространств.

Кратко характеризуя животноводство сибирских крестьян, М. М. Громыко указывает на существенную местную специфику в комплексе знаний и приемов, в котором содержались многочисленные элементы, нехарактерные для европейской русской традиции (стр. 76). Наконец, подробный очерк, основанный преимущественно на литературных данных, посвящен приемам, навыкам и организации охотничьего и рыболовного промыслов. Наибольший интерес представляют систематизированные сведения о традиционной организации промысловой артели и порядках в ее производственной деятельности.

М. М. Громыко справедливо стремится рассматривать хозяйственные и бытовые традиции в их внутренней логической взаимосвязи. К сожалению, это слабо прослеживается в разделе «Дом и быт» (стр. 233—283), занимающем существенное место в книге. В нем описание различных элементов быта (жилое помещение, одежда, пища) связано в большей степени с обрядовой стороной, нежели с рациональным приспособлением их к хозяйственному строю крестьянской жизни.

Разумеется, этнографическое исследование немыслимо без пространной описательной части. В перечисленных разделах описательность превалирует, но этот недостаток имеет свое объяснение и следствия. Проблематика этнографии сибирского русского крестьянства лишь сравнительно недавно привлекла пристальное внимание исследователей, а потому уже одно это ставит перед нами немалые сложности. Как уже указывалось, большая часть материала основана на литературных источниках, которые только дополняются привлеченными М. М. Громыко архивными данными, прежде всего ответами на Программу РГО для сбора этнографических сведений (см. стр. 13—17). В недавно опубликованном историографическом труде группа авторов пришла к вы-

воду о том, что имеющиеся литературные данные недостаточны для выявления всего многообразия (тем более в разных областях Сибири) материальной культуры русского населения, его поселений, жилища, одежды¹. Книга М. М. Громыко подтверждает этот вывод. К тому же следует учитывать еще и характерную для современного этапа изучения проблемы слабость источниковедческого анализа известных типов источников. А это тем более затрудняет освещение вопросов о специфичности элементов народной культуры в Сибири. М. М. Громыко смогла лишь проследить общие для русского населения Сибири явления в материальной культуре и имела очень ограниченные возможности для выявления местного традиционного своеобразия. Хорошо известно, что переселенцы, преимущественно из северорусских областей Европейской части России, приносили свои хозяйственные традиции и в процессе освоения различных частей Сибири вынуждены были приспосабливаться к местным условиям. Учет этих обстоятельств существенно углубил бы исследование и выявил бы трудовые традиции, во-первых, не в обобщающе статичном состоянии, а в процессе их утверждения и развития, и, во-вторых, по всей вероятности, дал бы возможность проследить степень приживаемости привносимых традиций в отдельных областях Сибири. В известной степени сама М. М. Громыко не использовала в этом отношении имевшихся в ее распоряжении возможностей. Выбирая объектом изучения собственно старожильческое население, она хронологически ограничила свое исследование XVIII веком, тогда как костяк этого населения складывался еще в XVII в., и некоторые имеющиеся литературные данные об этом времени дали бы возможность датировать начало процесса становления тех или иных традиций. Во всяком случае, о системах землепользования, трехкамерном жилище и промысловых артелях можно так или иначе судить уже начиная с XVII в.

Поэтому отдельные места рецензируемой книги вызывают некоторое сомнение. Так, М. М. Громыко перечисляет пахотные орудия и, очень кратко касаясь их морфологической характеристики, указывает на бытование около 30 видов конструкций сох. В обилии этих вариантов автор видит порождение многовекового опыта хлебопаша, приспособившего соху к конкретным климатическим и социальным условиям (стр. 25—29). Однако вопрос можно поставить и иначе. Разумеется, приспособление орудий проходило хотя и медленно, но непрерывно. Однако для характеристики прогресса земледелия не меньший интерес представляет и процесс унификации орудий, что, в частности, известно по материалам конца XIX — начала XX в.²

Заслуживает уточнения понятие «плодосмена» как важнейшего элемента земледельческой культуры в его сибирской специфике. Судя по стр. 40 работы М. М. Громыко, можно также предположить обязательность двух-трехрядовой пахоты для каждой культуры, тогда как при наличии парового поля такой прием возможен лишь при посеве одной какой-либо культуры.

Значительное место в книге М. М. Громыко заняло описание обрядности, отражавшей те или иные хозяйственные или бытовые представления крестьян. Автор не без основания связала ее с хозяйственными традициями, но наряду с обрядностью, отражавшей рациональные хозяйственные представления, а тем самым и трудовые традиции, уделила слишком много места магии и заговорам, относящимся в большей степени к идеологии, что само по себе представляет большой интерес и постоянно привлекает внимание этнографов, но в данном случае в известной степени выходит за рамки книги. Особенно заметно это прослеживается в разделах «Весенний цикл аграрных праздников» и «Хозяйственная магия», занимающих шестую часть всей книги (стр. 93—150). Вместе с тем в разделе «Приметы о хозяйстве и природе», описательном и очень кратком (стр. 150—155), можно было бы обстоятельнее показать путем сравнения с аналогичным сравнительным материалом, относящимся к Европейской части страны, традиционно устоявшиеся реалистические представления сибирских крестьян, их своеобразие и, в частности, локальное приспособление к церковному календарю. М. М. Громыко ограничилась лишь выводами фольклористов о том, что «подавляющая часть пословиц и поговорок известна в общерусском составе; для примет отмечалась значительность доли местных сибирских» (стр. 150). Для целей настоящей работы одной такой констатации слишком мало.

Значительно более оригинально поставлен М. М. Громыко вопрос о закреплении, сохранении и передаче трудовых традиций, их этической стороне и влиянии на формирование социального характера крестьянства. Этому посвящена значительная часть книги. Пожалуй, в этнографической литературе подобная проблема в таком объеме ставится впервые. М. М. Громыко развивает свои наблюдения о передаче и сохранении

¹ А. А. Лебедева, В. А. Липинская, Л. М. Сабурова, А. В. Сафьянова, Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII—XX вв.), «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири», М., 1974, стр. 46, 58, 76, 92.

² В. М. Суринов, Производительные силы сельского хозяйства Западной Сибири по материалам историко-этнографических экспедиций (конец XIX — начало XX в.), «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири», М., 1974, стр. 134.

традиций в различных аспектах — в результате личных взаимоотношений, внутри и межсемейных, родственно-соседских, наконец, в деятельности общины как основной носительницы всех традиций, вплоть до семейно-бытовых. Автор приводит интересные доказательства того факта, что основным средством в сохранении и передаче трудовых традиций были коллективные работы крестьян в разных сферах их хозяйственной деятельности. Эта четко проводимая мысль обогащает представления об организации трудовой жизни русской деревни, основу которой составляла деятельность индивидуальных крестьянских хозяйств. В данном случае мысль автора можно было бы развить, ибо коллективные работы (в частности, обобщенная М. М. Громыко так называемая навозница) были одним из факторов приспособляемости крестьян к тяжелым условиям Сибири и в то же время консервации сложившихся трудовых традиций. Вывод М. М. Громыко о коллективном характере передачи хозяйственного опыта дает дополнительные возможности для дальнейшего изучения вопроса о широком освоении Сибири русскими переселенцами.

Последнее соображение — наиболее веский аргумент для признания книги М. М. Громыко не только интересной и полезной, но и создающей предпосылки для новых исследований в сибиреведении, особенно в области этнокультурных связей русского и аборигенного населения, влияния миграций из-за Урала и внутри Сибири на состояние традиционно сложившегося хозяйства, особенно в разных ландшафтно-почвенных зонах. Высказанные соображения в связи с разбором книги М. М. Громыко лишь убеждают в необходимости целого ряда новых исследований, без которых обобщающий труд, посвященный культуре сибирского крестьянства, создать нельзя.

В. А. Александров

Н. А. Миненко. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975, 308 стр.

Исследование Н. А. Миненко посвящено вопросам этнической истории, хозяйства и культуры населения Северо-Западной Сибири в период освоения ее русскими. Работа основана на большом архивном материале, хранящемся в московских, ленинградских и сибирских архивах, малоизвестном историкам и этнографам.

Автор ставит перед собой задачу осветить проблемы освоения севера Западной Сибири в XVIII в. Н. А. Миненко подробно останавливается на характере колониционных процессов и результатах адаптации русского населения в условиях севера, на взаимодействии сосуществующих формаций и культур пришлого и коренного населения. В целом задачи, поставленные автором, решены удачно. Книга дает яркое представление о населении, численности, динамике населения, хозяйстве и культуре, взаимоотношениях русского и коренного населения — хантов и ненцев, в меньшей степени — манси и селькупов.

Рецензируемая работа состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении автор формулирует задачи исследования и дает краткий историографический обзор, останавливаясь при этом на характере привлекаемых архивных источников. Архивные документы, на которые опирается автор, весьма ценны и интересны. Разделы, посвященные анализу таких документов, как «Материалы по обычному праву ненцев, хантов и манси», «Топографическое описание Тобольского наместничества», являются подлинным вкладом в источниковедение. Совершенно правильно, на наш взгляд, оценивает Н. А. Миненко значение для последующих исследователей опубликованной только в 1947 г. работы В. Ф. Зуева и вскрывает компилятивный характер работ И. Г. Георги и Ф. Беляевского. Что касается М. А. Кастрена, то автор, видимо, несколько переоценивает его заслуги в «разработке вопроса об общественном устройстве ненцев и хантов» (стр. 9). На наш взгляд, финский ученый не смог разобраться в этом вопросе, в частности фратрии («роды... включающие сотни и тысячи лиц») были приняты им за роды.

Автор совершенно правильно оценивает характер и значение такого архивного источника, как ревизские сказки. В разное время они привлекали внимание многих историков и этнографов. Материалы ревизских сказок — переписей — дают ценные сведения по численности, динамике населения, его составу. Уникальны материалы ревизских сказок по именам некрещеного населения Обдорской волости Березовского уезда¹. Однако данные по семье в них не всегда точны, это выявляется при сопоставлении их с исповедными росписями метрических церковных книг.

Наиболее удачны первая и третья главы работы Н. А. Миненко. В первой главе («Русское население Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.») автор исследует динамику, размещение, сословный и социальный состав, хозяйство, некоторые особенности культуры и быта, духовную жизнь русского населения север-

¹ См. З. П. Соколова, Наследственные, или предковые имена обских угров и связанные с ними обычаи, «Сов. этнография», 1975, № 5.